

ЗАМЕТКИ О ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Л.Г. БРУТЯН

Блестящий исследователь детской речи, автор знаменитой, уникальной книги "От двух до пяти" Корней Чуковский в послесловии к ней писал, что "прекрасная сама по себе, она (детская речь — Л.Б.) имеет высокую научную ценность, так как, исследуя ее, мы тем самым вскрываем причудливые закономерности детского мышления, детской психики"¹. О важности и необходимости изучения детской речи свидетельствует тот факт, что имеется огромное количество работ в этой области², выпускаются специальные журналы³.

Настоящие заметки представляют собой некоторые обобщения многолетних каждодневных наблюдений автора над речью своих детей — билингвов. В них делается попытка описать речь детей как в аспекте их мировосприятия, так и с точки зрения собственно языкового анализа.

Наблюдения показывают, что в самом раннем возрасте дети, еще не идентифицируя себя, вместо местоимения 1-го лица единственного числа часто употребляют местоимения 2-го и 3-го лица единственного числа. Например, отказ продекламировать стихотворение "Наша Таня" прозвучал у двухлетнего ребенка так: "Наша Таня громко плачет (и так дальше до конца этого, как впрочем и других стихотворений) не хочешь" (т.е. "не хочу декламировать"). В дальнейшем наблюдается некоторая динамика в этом смысле, когда в рамках одной и той же фразы, обращенной к себе, за местоимением 1-го лица единственного числа, тем не менее, следует местоимение 3-го лица единственного числа: "Дай мне ему".

В первые годы своей жизни дети не совсем отчетливо дифференцируют одушевленные и неодушевленные предметы, часто путая

¹ К. Чуковский, От двух до пяти (Сочинения в двух томах, т. 1, М., 1990, с. 402).

² J. Berko, R. Brown, Psycholinguistic Research Methods. ("Handbook of Research Methods in Child Development", edited by P. H. Mussen, New York: Wiley, 1960); M. Bowerman, Systematizing Semantic Knowledge: Changes over Time in the Child's Organization of Word Meaning ("Child Development", 1978, pp. 977 — 987); R. Brown, A First Language: the Early Stages, Cambridge: Harvard University Press, 1973; C. A. Ferguson, C. B. Farwell. Words and Sounds in Early Acquisition. ("Language", 1975, pp. 419 — 439); A. Jersild and others, Child Psychology (VII edition), NJ, USA, 1975; S. Pinker, Language Learnability and Language Development, Cambridge: Harvard University Press, 1984; J. P. Stemberg, Speech Errors in Early Child Language Production. ("Journal of Memory and Language", 1989, 28, pp. 164 — 188); F. Wijnen, Incidental Word and Sound in Young Speakers: Clues to the Development of Lexical Representation and Processing, University of Utrecht, the Netherlands, 1990, pp. 1 — 35; А. Н. Гвоздев, Вопросы изучения детской речи, М., 1961 и т.д.

³ Journal of Child Language, edited by Katharine Perera, University of Manchester; Thinking. The Journal of Philosophy for Children, edited by Matthew Lipman, Montclair University, NJ, USA.

понятия о них и подменяя одно другим. Иногда они одушевляют неодушевленные объекты. Например: "Елка пошла на работу". Или: "Салют пошел с дедушкой в Мохву" (Ара, 2 года).

Дети в этом возрасте часто одушевляют природу. В качестве примера приведем следующий диалог:

— Солнце откуда?

— На небе.

— Из неба родилось?" (Татевик, 5 лет).

Типичным является и восприятие малышами одушевленных объектов в одном ряду с неодушевленными. Так, на мой вопрос "Кого ты любишь?" мой трехлетний сын отвечает: "Маму, папу, бабушку, Ашотику, Маратику и черную машину".

Иногда маленькие дети воспринимают людей и животных в одном и том же ряду. Например: "Я люблю всех зверей, но больше всех маму" (Ара, 7 лет).

Наблюдения показывают, что дети в самом раннем возрасте не всегда и неотчетливо осознают свою половую принадлежность.

"Я не мальчик, я девочка", — говорит трехлетний Ара. А Татевик в том же возрасте почти всегда говорила о себе в мужском роде. Интересно отметить, что они оба в возрасте трех лет считали само собой разумеющимся, что с течением времени будут принадлежать к противоположному полу⁴:

"Когда я буду девочкой", "Когда я буду мамой" (Ара).

"Когда я вырасту и буду мальчиком, для меня двухколесный велосипед купишь?" (Татевик).

Спустя некоторое время они начинают связывать свою половую принадлежность с внешними признаками:

"Тот, кто лохматый, тот мальчик. Мама мальчик, потому что лохматая, а я, Татевик и папа — девочки, потому что мы не лохматые" (Ара, 4 года).

Став старше, дети, естественно, начинают видеть разницу: "Девочки с одной породы, а мальчики — с другой" (Ара, 8 лет).

Малыши дифференцируют также грамматические роды, связывая это с дифференциацией полов, как видно из следующих высказываний: "*Он* — это мальчик, *она* — это девочка?" (Татевик, 3 года).

"Пенка — это девчачье имя, потому что кончается на "а" (Ара, 6 лет)⁵.

И хотя дети начинают ощущать разницу между мужским и женским родами, они иногда путают роды притяжательного местоимения 1-го лица, соотнося эти местоимения не с объектом, который определяется, а с собой, что, заметим, является довольно типичной ошибкой. В этом смысле показателен следующий диалог между моей трехлетней дочкой и мной:

— Не моя Чипполино, а мой.

— Почему мой, ведь я же девочка?"

⁴ Это явление у детей хорошо описано психоаналитиками.

⁵ Ср. в этой связи аналогичные примеры в: К. Чуковский, указ. соч., с. 103 — 104.

Затем, подумав немного, добавляет: "Я рассказываю сказку: И потом мальчик Чипполино превратился в девочку".

У малышей наблюдается довольно своеобразное восприятие понятий времени и возраста, заключенное в том, что, по их мнению, люди растут, стареют, а затем снова становятся маленькими. Вот несколько примеров:

"А когда я еще буду маленькой" (Татевик, 3 года).

"Когда я была мамой, а Арик — папой, нас как звали? (Татевик, 4 года).

"Мама, я когда родилась, мне сколько лет было?" (Татевик, 4 года).

Довольно забавно восприятие детьми понятия далекого прошлого:

"— Маштоц когда жил?"

— Давно.

— Когда все люди не родились?" (Татевик, 5 лет).

Интересно заметить, что моя дочь в возрасте трех лет употребляла слова "вчера" и "завтра" для выражения всякого прошедшего и всякого будущего времени соответственно, без какого-либо конкретизирования. Сравнительное восприятие возраста у детей связано с восприятием внешности, физических данных сравниваемых людей, как видно из следующего диалога:

"— Сколько тебе лет?"

— Шестьдесят лет.

— А той моей бабушке, которая старше тебя, 50 лет" (Ара, 6 лет)

"Дедушка Ваго старик, а дедушка Геворк — молодой, потому что он может бегать", — говорит пятилетний Ара про своих дедушек — почти ровесников.

Весьма специфично, в соответствии со своим очень ограниченным жизненным опытом, воспринимаются и выражаются детьми понятия "много", "всегда", "все" и т.д. Так, трехлетняя дочка на вопрос, сколько меня любит, обычно отвечала "тли", что означало, что она меня любит больше всех, поскольку в указанном возрасте она могла считать только до трех. Высказывание "Хочу много — много субботы" (Татевик, 3 года) следует интерпретировать как "Хочу, чтобы всегда была суббота (т.е. выходной день)".

Особый интерес представляют имплицитные высказывания в детской речи. Они интересны тем, что импликации, выводимые детьми, часто не совпадают с теми, которые предполагаются. Более того, эти два вида импликаций часто очень сильно отличаются друг от друга. Причиной этого является то, что пресуппозиции, имеющиеся у детей, слишком ограничены и, следовательно, являются очень специфическими обобщениями. Вот несколько блестящих, на наш взгляд, примеров ложных импликаций:

"Мама, кто такая служанка?"

— Служанка — это женщина, которая убирает, стирает, готовит обеды...

— Значит, ты служанка? (Ара, 3, 5 года).

Татевик четырех лет рассматривает открытку, на которой написано "1 мая". Показываю ей каждую букву по отдельности и спрашиваю, что получилось. Отвечает: "Открытка".

Однажды говорю четырехлетнему сыну:

— Когда ты вырастешь, станешь папой, у тебя будут дети, а я буду их бабушкой". "Ты что, будешь толстая?" (одна из бабушек сына была полная), — отреагировал он.

По мере взросления выводы, которые делаются детьми, становятся более убедительными и логичными, так как основаны на общепринятых пресуппозициях:

— Наш магнитофон — руководитель других магнитофонов.

— Почему?

— Потому что он такой хороший" (Ара, 6 лет).

Общепринято считать, что только хорошее, лучшее может быть "руководителем". На вопрос "Почему аттракцион называется "Луна-парк?" звучит ответ: "По моему, Луна-парк называется так, потому что там все фантастическое, единственное, и Луна одна, поэтому так называется" (Ара, 9 лет). Данная фраза причинного характера построена по закону строгой аналогии.

Говоря о причинных отношениях в речи детей, нельзя не сослаться на Пиаже — знаменитого исследователя детской речи. По его многолетним наблюдениям, до семилетнего возраста детей, существ по натуре эгоцентричных, мало волнуют причинно-следственные связи. По его мнению, ребенок в этом возрасте больше сконцентрирован на самих явлениях и событиях, чем на объединяющих их временных и причинных связях, поэтому в их речи чаще всего встречается сочинительная связь. Однако, утверждает автор, речь детей после семи лет "изобилует словами типа: "так как", "потому что"⁶. Нельзя не согласиться в этой связи с К. Чуковским, который отмечает, что от "поверхностного расчленения фактов" дети переходят "к отысканию их взаимных отношений", не делая при этом попытки "определить качества наблюдаемых... вещей" и лишь связывая их произвольной каузальной связью. "Следующий шаг на этом пути, — пишет он дальше, — ассоциации по сходству (и различию) предметов"⁷.

Надо подчеркнуть, что речь детей действительно изобилует метафорами и сравнениями. Анализ показывает, что метафорические сравнения создаются детьми на основе подобия по внешним и внутренним признакам, функции, иногда — подобия смешанного типа. С точки зрения синтаксической формы можно дифференцировать следующие типы сравнений: построенные как настоящие сравнения с использованием сравнительных союзов, сравнения без сравнительных союзов, а также такие, которые включают в себя дальнейшее объяснение в форме придаточного причины. Приведем примеры:

"Снег — это маленькие снежные звезды" (Ара, 5 лет).

"Огромное яблоко — это слон яблока, потому что оно такое большое, как слона сын" (Ара, 5 лет).

⁶ Jean Piaget, *The Language and Thought of the Child*, London, Routledge and Kegan Paul edition, 1971, pp. 71, 72, 107, 114, 122.

⁷ Корней Чуковский, указ. соч., с. 163.

“Звезды – это внуки большого солнца” (Ара, 5 лет).

“Сырок – это деть большого сыра” (Ара, 5 лет).

Поев торт, украшенный вишнями, пятилетний сынишка заявил: “Вишни-глазки торта”.

“Акула – жена кита, а щука – их ребенок” (Ара, 6 лет).

“Гитара русских – это балалайка” (Ара, 7 лет).

“После этого я лампу буду называть не лампа, а вечернее солнце” (Ара, 8 лет).

Я наказала Татевик. Ара (9 лет) упрекает меня за это и говорит: “Татевик – это фольга, а ты – олово. Как фольга должна расти, чтобы превратиться в олово, так и Татевик должна расти, чтобы превратиться в большую”.

После приезда из Минска спрашиваю сына, соскучился ли по мне. Отвечает: “Как газовая горелка не может без газа, так и ребенок не может без матери” (10 лет).

В отдельную группу можно выделить те случаи, когда из-за незнания правильного слова дети употребляют метафоры, построенные на сравнении, основываясь на имеющемся у них ограниченном знании. Анализируя такие метафоры, можно найти в них логику, поскольку они построены по строгой аналогии.

“Подуй песню, как папа” (= “посвисти”) (Татевик, 3 года). Вместо “снимаю обертку с мыла” Татевик говорит: “Мыло раздеваю” (4 года). Она же говорит вместо “сопли” – “белая кровь” (3 года), вместо “закрытая коляска” – “коляска с капюшоном” (3 года), вместо “шишка” – “пузо” (5 лет), вместо “дыни” – “желтые апельсины” (5 лет), вместо “глубокая вода” – “длинная вода”, вместо “слабый дождь” – “короткий дождь”, “маленький дождик” (5 лет).

Про девочку, которая пела измененным голосом: “Она голос передела?” (Татевик, 5 лет).

Татевик кружится в своем новом платье с пышной юбкой: “*Չաղախվում եմ շալիկով*” (5 лет). Про толстый моток ниток она говорит: “Какая пухлая!” (5 лет). Когда пятилетняя Татевик увидела, что после долгого перерыва ее папа побрился, воскликнула: “*Պապիսի երկուր քաշվաղել է*”.

Когда во время игры с братом у пятилетней Татевик тряслись руки от смеха, и она не могла от этого играть, заявила: “*Արի՛կ, ձեռքերի ծրծաղում եմ*”. Отчитывая меня за что-то по дороге в детский сад, моя пятилетняя дочь сказала: “Ты почему все время забываешь? Ты что, слепая?” Сравните: “Я плохо слышу. У меня уши слепые” (Татевик, 5 лет).

Рассматривая в книге фотографию Гашека, которая кажется ему необычной, девятилетний Ара заключает: “У него вид на иностранный акцент”. Глядя на мои ногти, с концов которых сошел лак, Ара говорит: “У тебя, что, поседевшие ногти?” (9 лет)⁸.

⁸ О детских метафорах см. также: J.Andrews, E. Rosenblatt, U.Malkus, H.Gardner, E.Winner, Children's Abilities to Distinguish Metaphors and Ironic Utterances from Mistakes and Lies (“Communication and Cognition (Metaphor)”, 1986, vol. 19, N ¼, pp. 284 – 299); E. Marti, First Metaphors in Children: a New Hypothesis (там же, pp.337 – 347).

Наблюдения показывают, что многие дети увлекаются этимологиями. При этом следует отметить, что "этимологические опыты" детей в основном являются неправильными, т.е. выводится "ложная этимология", поскольку дети основываются или на фонетических ассоциациях или на поверхностном морфологическом анализе. Но они, тем не менее, интересны в том смысле, что дают некоторое представление о том, как понимается то или иное слово. Следует отметить также, что во многих случаях этимологический анализ одного и того же слова, сделанный разными детьми, бывает идентичным, что свидетельствует о наличии логики в их анализе, правда логики специфической, необремененной знанием языковых канонов. Вот несколько примеров.

Оба моих ребенка объясняли одним и тем же словом *բիւի* 2 различных слова: трехлетняя Татевик объясняла армянское женское имя *Քիւրիկի*, а шестилетний Ара — слово *բիւնկթյուն*. Это — пример ложной этимологии, основанной на фонетических ассоциациях.

А теперь — несколько случаев другого вида ложной этимологии:

Կոկորդիլ объясняется как *կոկորդիլ րոպ* (Ара, 5 лет; "Трускавец — это там, где трусы" (Ара, 5 лет); Китай понимается как "страна, где разводят китов" (Ара, 5 лет); *Աւազակ* — которые песок копают" (Ара, 5 лет); "виноград" объясняется через "вино" и "град" ("Говорят "виноград, потому что это вина город? Там много вина?") (Ара, 5 лет); "пировать" — через "пирог" ("Они пируют, у них, что, пирог?") (Ара, 6 лет); "черепашка" объясняется как животное, которое "так называется, потому что с нее черепом пахнет" (Ара 7 лет); "смородина" объясняется через "мороз" ("Смородина, чтобы мороз был?") (Татевик, 6 лет).

Интересной нам кажется следующая этимология слова "эскимо", приводимая Ара (9 лет);

Справедливо считая, что указанное слово произошло от слова "эскимос" ("По-моему "эскимо" произошло от слова "эскимос") и находя ассоциации в цвете ("Ведь эскимосы живут на Севере"), он затем увязывает цвет мороженого не с цветом кожи самих эскимосов, но с цветом их оленей ("И потом у их оленей шкура коричневая, как на эскимо").

В связи со сказанным надо заметить, что дети не всегда выводят ложные этимологии. Так, слово "плавки" правильно объясняется через "плавать": "Плавки — чтобы плавать?" (Татевик, 5 лет).

Примечательно, что в некоторых случаях одно и то же слово одним ребенком объясняется этимологически верно, а другим — неверно. Иллюстрацией может послужить слово "сливочный". Восьмилетняя Татевик справедливо объясняет происхождение слова "сливочный" через "сливки" ("Сливочное масло так называется, потому что его из сливок делают?"), тогда как девятилетний Ара неверно, хоть и красиво — через "слива" ("Сливочное мороженое так называется, потому что оно пахнет сливой"). Говоря о детских этимологиях, нельзя не сослаться на Пиаже, который писал, что всем известно, что детская грамматика более логична, чем грамматика взрослых и что этимологии, спонтанно выводимые детьми,

представляют собой прекрасные шедевры логики⁹. В этой связи приведем еще одно высказывание французского ученого: "Уж не раз изучали спонтанную этимологию, к которой дети питают такое пристрастие, и затем их изумительное стремление к вербализму, то есть к *фантастическому истолкованию* (подчеркнуто нами — Л.Б.) плохо понятых слов: эти два явления показывают, как легко ребенку удовлетворить свой ум произвольными обоснованиями"¹⁰. Интересны наблюдения над речью детей-билингвов и с точки зрения явления языковой интерференции. Надо отметить, что языковая интерференция у таких детей носит двусторонний характер, т.е. наблюдаются случаи влияния армянского на русский и наоборот.

Следует добавить, что это явление наблюдается как на семантическом (включая идиоматический), так и на грамматическом уровнях. Вот несколько примеров, иллюстрирующих семантическую интерференцию.

Мои оба ребенка в возрасте от 4-х до 7-и лет обычно говорили "открыто-зеленый цвет" ("открыто-серый") вместо "светло-зеленый" под влиянием армянского *բաց-կանաչ*. И, следуя той же логике, они как антоним употребляли "закрыто-зеленый". Моя пятилетняя дочка говорит: "Меня горячо одень", очевидно, под влиянием армянского *մեծ*.

В возрасте 7-и — 8-и лет моя дочь часто говорила "долго сидишь", "долго работаешь" под влиянием армянского *երկար նստել*. Вместо *դաշնամուր նվաճել* моя семилетняя дочь говорит *դաշնամուր խաղալ* под влиянием русского выражения "играть на пианино"; вместо "За нами ты будешь смотреть?" — "Нас^о ты будешь держать?" (Татевик, 6 лет) под влиянием армянского *"Մեզ դու ես պահելու"*.

Пытаемся перевести слово "нескладный" на армянский. Девятилетняя Татевик подсказывает: *"Անհավաքովի"*.

Ниже — пример интерференции, связанной с идиоматическим употреблением:

Пятилетняя Татевик сидит обиженная в спальне. Когда я спросила, в чем дело, отвечает: "Папа сказал, чтобы я у него на глаза не виднелась", переводя дословно *"աչքի չերևալ"*. Или: "Мне щекоту не давай" (= "Не щекоти"), — говорила пятилетняя Татевик под влиянием армянского *"Դե՛ս խոտովով չի՛ն անել"*.

Вот пример синтаксической интерференции: "Это нет, вот это" (Арик, 2 года).

Следующий пример иллюстрирует интерференцию на морфологическом уровне: "Твои волосы еще густые, чем мои". Татевик (9 лет) использует "еще густые" вместо правильной формы "еще гуще" под влиянием формы сравнительной степени прилагательных в армянском.

Форма "я" в вопросах Татевик "Что я покушать?" (3 года), "Сколько я терпеть?" (3 года), "Я тебе давать?" (5 лет) употребляется, вероятнее всего, под влиянием армянского. Ниже —

⁹ Jean Piaget, указ. соч. с. 170.

¹⁰ Ж. Пиаже, Речь и мышление ребенка, М., 1932, с. 168.

пример влияния русского на армянский: "Իմ հին տարիքն և" (Татевик).

В речи маленьких детей наблюдается также довольно своеобразное восприятие ими нарицательных и собственных существительных, в частности имен, когда они замещают одно другим. Сравните: "Зильфугарян Татевик, Брутян мака". или же: "Это не девочка, это Кариночка" (Татевик, 3 года), "Куклу зсвут кукла" (Татевик, 5 лет).

Надо отметить, что дети уже в самом раннем возрасте начинают манипулировать словами в своих собственных интересах. В этом — вербальное проявление детской хитрости, или, говоря словами К. Чуковского, "лицемерных ребячьих уловок", "простодушного лукавства детей"¹¹. Так, двухлетний Арик говорит *սոս* и сморщит на меня. Если делаю сердитое выражение лица, сразу же с невинным видом добавляет *չի* и получается безобидное слово *սոսչի*.

На вопрос "Ո՞ւմ բալիկն ես" двухлетний Арик отвечает в соответствии с тем, кто его спрашивает. Когда спрашиваю я, отвечает: "Իմ Լիլիթի", подчеркивая этим местоимением свое отношение ко мне.

Когда Ара (2 года) хочет, чтобы кто-нибудь встал со стула, говорит: "Նստի՛ր, Կեղտոտ է". как-будто если бы он имел понятие о косвенных речевых актах.

Интересны и нередки случаи, когда малыши, не зная точных названий предметов, замещают их дескриптивными выражениями. Так, например, чтобы выразить идею сумерек, моя пятилетняя дочь, не знающая самого слова, выразилась так: "На улице сейчас немножко утро, немножко ночь".

Внимательно рассматривая нашу с мужем свадебную фотографию, где мы стоим на фоне церкви, Татевик (6 лет) спрашивает: "Там в Бога верят?" Услышав положительный ответ, зовет брата: "Арик, иди скорее, мама с папой стоят около *в Бога верят*". Эти и другие примеры показывают, насколько раскованы дети в использовании языка в своих целях.

Обобщая все вышесказанное, хотелось бы особо подчеркнуть, что речь детей необычайно интересна, специфична; она отличается особой, своеобразной логикой. Для речи детей характерен творческий подход к языку и слову, свободный от строгих языковых догм. Изучение речи детей необходимо в плане понимания через нее их менталитета. Проникновение в мир детей, понимание их мировосприятия поможет и нам, взрослым, лучше осознать себя и нашу связь с ними. Кроме этого, сугубо языковой анализ, в частности, изучение детских метафор, этимологий и т.д. позволяет по-новому взглянуть на возможности, предоставленные языком, а также на знакомые нам явления под новым, свежим углом зрения.

¹¹ К. Чуковский, указ. соч., с. 128 — 129.

Проанализированный выше материал позволяет проследить за динамикой овладения детьми языком, а также за динамикой в их мировосприятии. Следует отметить также как определенные закономерности, так и индивидуальные особенности речи у разных детей.

ԵՐԵԽԱՆԵՐԻ ԽՈՍՔԻ ՄԱՍԻՆ

Լ.Գ. ԲՐՈՒՏՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Երեխաների խոսքը գիտական տեսակետից արժեքավոր է՝ նրանց աշխարհընկալումը հասկանալու իմաստով, և այդ է պատճառը, որ այն ուսումնասիրության կարիք ունի: Երկլեզու երեխաների խոսքի բազմաձև դիտարկումները ցույց են տալիս, որ ամենավաղ հասակում երեխաները չեն դիտարկում իրենց ինքնությունը, հստակորեն չեն տարբերակում շնչավոր և անշունչ առարկաները, հստակ չեն գիտակցում իրենց սեռական պատկանելությունը: Մանուկներն ունեն ժամանակի, տարիքի և քանակի բավականին ինքնատիպ ըմբռնում: Երեխաների խոսքը լի է նմանական հիման վրա կառուցված փոխհարաբերություններով: Նրանք նաև ստուգաբանությունների փորձեր են կատարում, որոնք, որպես կանոն, կեղծ լին՝ հիմնված հնչյունական նմանությունների կամ ձևաբանական վերլուծության վրա: Երկլեզու երեխաների խոսքում ինտերֆերենցիան երկկողմանի ընդլիճ է կրում, երբ հայերենը և ռուսերենը ազդում են մեկը մյուսի վրա: Ընդ որում, նշված երևույթը գիտվում է թե՛ իմաստաբանական (ներառյալ դարձվածաբանական), թե՛ քերականական մակարդակներում: Մանուկների կողմից հատուկ և հասարակ անունների ընկալումը յուրօրինակ է. դրանք երբեմն մեկը մյուսով են փոխարինվում: Չիմանալով առարկայի ստույգ անվանումը, նրանք օգտագործում են նկարագրական արտահայտություններ:

Երեխաների խոսքին հատուկ են յուրօրինակ տրամաբանությունը, լեզվի հանդեպ անկաշկանդ, ստեղծագործական մոտեցումը: Նկատելի են ինչպես որոշակի օրինաչափություններ, այնպես էլ անհատական առանձնահատկություններ: